

О пользе и вреде философии для жизни

Сперва несколько различий. Ведь философия, как многоликий Протей, готова выскользнуть из хватки дефиниции на каждом из поворотов своей истории и с каждым своим локальным, национальным воплощением. Нередко, к тому же Протей этот в руках не мудрого Одиссея, но – слепцов из буддистской притчи, тщася понять слона по малой нащупанной толике. Определений философии множество. Не претендуя ни на $n+1$ новое, ни даже на особую оригинальность, подчеркну некоторые сугубо функциональные моменты, необходимые для осмысленного разговора о её роли в нашей жизни.

Первое. Философий много. И дело не в тематической разнообразии и не в извечном несогласии философов по любому важному вопросу, а в том, что именем философии сегодня одинаково названы принципиально несоразмерные призвания. Как если бы и вдохновение поэта, и труд его библиографа, и научные исследования поэтики носили бы только одно имя – «литература».

Есть, условно, «философоведы» – знатоки оригиналов и перипетий мысли нескольких избранных персонажей философского канона; есть интеллектуальные историки, способные разглядеть в текстах контуры эпохи и *Zeitgeist'a*; есть социологи, склонные к широким абстракциям и спекуляциям; историки науки, осведомленные об неочевидных истоках какого-либо открытия; эпистемологи, логики, семиотики и т.д. Все они живут под сенью Философии с большой буквы *φ* и не чужды её. Однако определяет их научное призвание.

«Философия – это наука...» – слова эти не только претензия на большую строгость и нефигуральность своей профессиональной речи, не только определенный концептуальный и методологический задел, имеют они и «житейское» прочтение. В них сказано: радости и печали, сам жизненный путь философа принципиально те же, что что и у большинства учёных, по крайней мере, «гуманитариев». Спрашивать с них – государство или общество – должны по тому же счёту, что и коллег по гуманитарному цеху. Вопрос о пользе и вреде такой философии одновременно проще и шире исходно поставленного. Можно начать с образа невинного эрудита в благородной пыли библиотечных знаний, бесконечно далёкого от прагматики и утилитаризма, но всё же жизнь и культурный ландшафт украшающего. Можно вспомнить, наоборот, об неизбывной сложности социальных объектов – ведь их бытие есть функция от их же знания, или неведения. В конечном счёте и права человека, и обещание коммунистического счастья, например, всё это «философия». Знание социального и человеческого не невинно, а потому любая гуманитарная наука имеет характерный мироустроительный потенциал. Далее – конкретика. Такая философия – нужна, а такая – излишня, а, быть может, и опасна. Но вот, что примечательно: редко когда «эксперт по 3-ей странице “Феноменологии духа”» (в кавычки, конечно, вольно подставить любое конкретное и узкое философское знание) имеет скромность и смелость определять себя исключительно так. Как правило, каждый из нас хочет быть прежде всего просто Философом. А это значит, что за отнятием «философии-науки» и её конкретных воплощений, остаётся что-то ещё «в сухом остатке».

Не охваченное конкретикой «что-то ещё» философии, описывающее её самобытную суть, можно искать в тематической и онтологической плоскости. Теснимая уже три века эмпирическими науками, философия не раз дала веские ответы на вопрос о своей уникальности. Сфера нормативного неокантианцев, специфика феноменального опыта, первичность экзистенции пред любыми определениями человеческого и т.д. – все они тематизированы в рамках философского самооправдания. Не оспаривая значимость подобных ответов, подчеркну, всё же их избирательность: удовлетворёнными и охваченными ими остаются лишь представители конкретной школы, «-изма». Выбрать один из подобных ответов – значит проявить своё «конфессиональное» пристрастие. Помимо того, тематические определения противоречат исходной интуиции – философия

бывает с нами далеко не всегда, редкой гостей освещает наши научные будни. До конца «по-философски» жили лишь избранные, чьими именами оправдано само существование философии.

Второе. Попробуем определить собственно Философа с большой буквы ф, оставаясь в той же функциональной плоскости.

Философ – это тот, кто (по крайней мере на словах) даёт обет ответственности за содержание своего мышления. Он должен отвечать за найденные или изобретённые им принципы совокупностью всего сказанного и своими поступками. Отличительная черта философской речи – её особая системность. Системность здесь надо понимать не в логическом, но в экзистенциальном ключе. Философ волен менять свои мысли, взгляды, даже отказываться от них, но ему не должно их предавать. «Почему ты изменил свои воззрения, во имя какого совершенствования ты отказался от своих прежних мыслей?» – вопросы на который философ всегда может и должен дать ответ. Философ неизменно готов отчитаться – как он пришёл к той или иной мысли, должен делать из неё все вытекающие, даже самые крайние выводы, в том числе – и в своих поступках. Противоречие между словами, их непоследовательность, несоразмерность «слова и дела» – специфические грехи подлинного Философа.

«Чужая душа – потёмки», мы не знаем: действительно ли тот или иной философ всегда хранил верность высказанным убеждениям, но за непоследовательность в своих словах его нужно взывать к ответу. Тоже самое, но с внутренней, личной точки зрения превращается в экзистенциальный проект и вызов: выбрав тропу философского мышления должно идти за своей мыслью и убеждением до конца, не считаясь с ценной и прагматическими расчётами. Обрывать нить рассуждения следует с осторожностью мифологической Парки, словно в руках – целая жизнь. Философ живёт судьбой своей мысли.

Обозначенная системность высказываний и особая принципиальность вовсе не обязуют философа возносить циклопические дедуктивно-спекулятивные конструкции в стиле немецкого идеализма. Можно верить в трагическую разорванность мира, в его непреодолимый дуализм, или же – в «весёлую» (в Ницшевском значении) множественность. Но эти двойственность или же плюрализм должны стать очевидным лейтмотивом для всего сказанного. Не предрешиено: должно ли написанное Философом быть абсолютно последовательным (*more geometrico* Спинозы), или извергаться потоком непричёсанных мыслей-афоризмов. И всё же: даже самые разорванные, фрагментарные высказывания Философа слагаются в единый танец мысли, им присущ определённый и узнаваемый стиль, отражающий единый порыв к познанию мира.

Третье. Говорят, философия имеет особые отношения с Истиной. Да, так. Но истиной – высказанной и разделённой. Пока живешь молчаливым отшельником наедине со своими мыслями – ты ещё не философ.

Не было и быть не может философии, утаённой ото всех. Философия — это акт коммуникации. Быть может – с избранными, быть может – «со всеми и никем». В философской речи может сквозить гераклитовское и ницшеанское презрение к читателям, но она должна оставаться речью. Возможно, посчитаем мы, да так полагал и сам Философ, самое важное в его произведениях – в невысказанном, в разрывах речи, в белом зиянии между строк. Но даже это выразительное молчание необходимо обрамить, дать почувствовать.

Были и будут философы, убеждённые в том, что наш разум околдован языком. Но к философии принадлежит лишь их пребывание по сю сторону «лингвистической клетки». Даже обратившись к речи лишь затем, чтобы выказать мучительность языкового плена, скорбь утраты невыразимого откровения, избрав в персональные враги лингвистические структуры, философ все ещё и извечно в средоточии языка. Ведь средоточие это не – в синтаксисе и грамматике, но в общении, во взаимодействии сознаний.

Равноисходно и философия, и язык обретают свою суть в императиве человечности. Человечности понятой и как характеристика отношений, и как субстанциальное единство. Философ является философом лишь постольку, поскольку смог поделиться своим взглядом на мир, сообщить свои мысли. Ему не свойственна и просто противоположна абсолютная речевая скупость затворника. Это и есть отличительная человечность философии: она признаёт лишь разделённое понимание. Философ ничего принципиально не утаивает. В том числе и в первую очередь, не таит он тесноты кругозора и пределов человеческого знания. Философия – это выразительное незнание, она начинается там, где незнание напоказ. Философ тот, кто дерзает это взаимное – своё и людское – незнание проговорить.

Философа застаём всегда идущим к людям. Идущим «с открытым забралом», так как, несмотря на возможное и простибельное недоверие к «невеждам», он всегда признаёт право слушателя / читателя на безапелляционное вопрошание, разбор всего им сказанного и даже его поступков. Признаёт, так как именно в таком признании выражена его суть как Философа.

«Все тайники моего мышления и потаённые углы моего сознания, вся жизнь моя – ваши: разбирайте, рассматривайте и досматривайте, ведь именно всем своим целым я ручаюсь в своей правоте» – таково то перформативное основание, на котором покоиться любое подлинно философское высказывание. В ответ Философ востребует того же права для себя: вопрошать об основаниях и резонах у окружающих и окружающего.

Философ в первую очередь учит радикальности вопрошания, являя собой её воплощенный пример. Именно радикальность сомнения и спроса как обращенного к себе, так и вовне отличает Философа.

Вспомним майевтику Сократа: он видел себя «повивальной бабкой» помогающей рождению мысли. Позволю себе внести в исходный смысл сравнения коррективу: не столько рождению мысли помогал Сократ, сколько обучал родовым мукам её сопровождающим – мысль философа должна быть прочувствована и облечена в плоть его жизни. Долгое рождение и выстраданность мысли, отеческое отношение к ней были основным уроком, преподанным Сократом греческому Полису. И, как настоящий родитель, Философ вынужден и должен эти выношенные всем целым своей жизни мысли отпустить – отдать на общественный суд и разбирательство.

Параллельно с этой строгостью вопрошания рождались и своеобразные философские техники выворачивания наружу своей ментальной изнанки, её досмотра и критики. Тот же инструментарий обращенный вовне почти не отличим от искры, разжигающей мировой пожар сомнения во всем данном и унаследованном, или же – изуверских техник допроса и изобличения. Философские техники не безопасны. Единым ручательством того, что они не будут использованы во зло – выстраданная целостность Философа в отношении к его мысли.

Я говорил о «Философах» в отличие от «философов», как об избранных. Но избирающей инстанцией выступаем мы сами. Альтернативы просты и очевидны: вот то, что должно сказать, сделать согласно нашим мыслям и убеждениям, вот – проторенная дорога принятого и подходящего, простой житейский автоматизм. Упорство в выборе первого и создаёт подлинного философа. Всё тот же Сократ: известно, что ему куда как проще было избежать смерти от цикуты. Не раз и не два обращались к нему друзья с увещеваниями, выступая в роли невольных искусителей. Говорили даже о позоре, который неизбежен для осуждённого на смерть. Но не замечали другого, более важного для самого Сократа позора: свернуть с дороги своей философии, оступиться в восхождении к вышине своей мысли.

Возможно, у читателя назрел закономерный вопрос: всё это хорошо, но пока речь шла исключительно о Философе, как же быть с философией, о которой исходно спрошено? На мой взгляд, философия выводима из фигуры Философа. Мы же говорим о «любви к мудрости». Как же можно определить любовь вне и помимо самого любящего:

человека – её носителя? Возможно, есть некая особая философия, т.е. любовь к мудрости, свойственная Богу, инопланетному разуму или же (вспомним Т. Нагеля) летучей мыши – но она для нас заповедана и немислима ещё более, чем знаменитая «вещь-в-себе» Канта. Нам доступно лишь человекомерное измерение и понимание философии. Значит, философия – понятие реляционное, определяющее отношение человека к собственной мысли. Решусь даже на крамольное высказывание: конкретные техники порождающие искомую диспозицию в отношении мышления вторичны и преходящи. Сегодня это университетские аудитории и дискуссии на конференциях и страницах научных журналов, вчера – психосоматическое практики йоги или же особая атмосфера греческой Агоры, завтра, быть может, социальные сети и видео на YouTube ... Инвариантны только чувство расплывающейся неустойчивости значений и установлений, воронка всё более каверзных вопросов и само схождение подвизавшегося в ответственности пред своим мышлением и вопрошающего. Философия там и тогда, где и когда возникает очевидность выбора – жить как прежде уже немисливо, но так искучительно...

Еще раз подчеркну – речь идёт о той философии, что осталась после вычитания всех конкретных философских наук. В определении философии как ответственной и отвечающей позиции в отношении к своему мышлению пропущено много конкретики, характеризующей, к примеру, компетенции метафизика, этика, историка философии ... Однако, на мой взгляд, вся эта фактичность а) взаимно гасится, когда философское поле рассматривается в целом, б) характеризует философские науки, именно как науки в ряду других гуманитарных дисциплин.

Если читатель готов согласиться с очерченным мной образом Философа, то теперь можно раскрасить его житейскими подробностями, т.е. дать ответ о «пользе и вреде философии для жизни».

Вред от философии не только «возможен», но и очевиден – для окружающих, близких и самого философа. Продолжая мысль Новалиса: «философия – это тоска по дому», Хайдеггер вывел: «философия может быть только когда мы, философствующие, повсюду не дома» (*kann Philosophie nur sein, wenn wir, die Philosophieren, überall nicht zu Hause sind*). Философу исходно и неодолимо свойства необустроенности в мире. Он живёт в пространстве-времени ортогональном по отношению к хронотопу рачительно-мудрого домохозяина. Всегда и везде следовать лишь только за своими убеждениями – не самая прагматичная позиция. Идти вслед за логикой своих истин – значит неизбежно сворачивать с дороги хозяйственного расчета и жизненного успеха, идти не в ногу с современностью.

У истока философии находим полумифическую фигуру Фалеса, упавшего в колодец, засмотревшись в звёздное небо. У памяти хороший вкус – говорила Ахматова, – не зря от первого Философа в числе скупых сведений остался этот анекдот. Не раз и после того философия попадала в те или иные жизненные зловключения, зачаровано идя на свет истины.

Философ антагонистичен даже фигуре героя – куда более понятной и простительной для общественного суждения. Последний жертвует своей прагматической выгодой в одномоментном, случайном и не выводимом из целого его характера свершении. Жизнь философа целиком построена на отрицании житейских расчётов, а случайности личного склада для него – непозволительная роскошь. Философу не пристало иметь хобби, нечаянные увлечения и привязанности – всё скидывается в общий плавильный тигель, из всего куётся мысль. Философия, можем сказать, это инструмент уменьшения житейской энтропии.

Вопреки сиюминутным запросам и основаниям Философ обязуется доказать и претворить неслучайность своего бытия и места в мире. Оплачивая давно просроченный долг человечества в разумности существования, ища универсально значимых ответов на локальную конъюнктуру, он решительно отстал от будничной деловитости. Тем более

трагично для Философа оступиться, столкнуться во всей очевидности с невозможностью привнесения смысла в жизнь.

Возвращаясь к древнегреческим интуициям: мудрец – воплощенное, доведённое до автоматизма знание, знаток своего дела, мастер. Он скуп в словах и не нуждается в оправдании своих немногих, но всегда толковых и уместных правд. «Любовь к мудрости», т.е. философия, это изнанка безыскусственной органичности знатока. Философ всегда не попадет и не кстати как со своей истиной, так и со своим недоумением. Его единственное мастерство – несвоевременное вопрошание.

Философ, сделавший неудобные вопросы своей профессией и призванием, обременителен и несносен. Живя неуютом своего существования, тот же неуют он излучает и вовне. И эта иррадиация неуютна неизбежна. Выше я говорил о философии как коммуникативном акте. Не менее правомерно рассматривать её и как коммуникативную ситуацию: дерзающий в безоглядном вопрошании философ попадет в тенёта своей же провокации. «Что даёт тебе право столь неосмотрительно спрашивать? Настолько ли принципиальна и последовательна твоя собственная мысль, как ты того требуешь от окружающих?» – неизбежный ответ на философскую речь. Этот отклик порождает характерный обратный ход мысли философа: она возвращается к своим истокам, освещая собственную безосновательность. Суждения философа, взращённые и выстраданные всем его целым, могут быть разбиты одним веским возражением. Вновь и вновь он вынужден собирать, подобно Каю из сказки, вечность из осколков самого себя.

Со времён Ширинского-Шихматова изменилось не так уж и много: в глазах любого государственного мужа и прагматичного обывателя польза от философии все ещё «не доказана» и эфемерна. И сегодня она склонна отступать перед напором житейских премудростей и финансовых соображений. Там, где требуют солидности и однозначных резонансов, её вечно мятущемуся сомнению нечего предложить.

К тому же, философия сомневается не «все ещё», но неизбежно. Два с половиной тысячелетия истории вынуждают признать – неотвеченность её вопросов не преходящая, но конститутивная черта. Любые достоверности, обретенные философствующим, мгновенно отпадают от него, кристаллизуются в конкретные эмпирические науки, а эпицентр его внимания смещается к другим ещё более «проклятым» дилеммам.

И всё же...

Отбросим в сторону соображения «так принято и заведено» и «ломать – не строить», которыми мы могли бы посрамить сегодняшнего Ширинского-Шихматова. Заплатив огромные отступные «Кесарю» (идейная и идеологическая монотонность, крайняя ограниченность академической свободы и, даже и в первую очередь, поломанные судьбы и отобранные жизни самых выдающихся представителей) философия в Советском Союзе в её марксистом изводе могла похвастать небывалым авторитетом, финансовой обеспеченностью и широкой имплементацией в образовательном процессе. Стоило ли оно того – оставим решать совести нашего читателя. Во многом нынешнее состояние русскоязычной философии объясняется инерцией этих былых её советских обстоятельств. Да и само искушение по-прежнему живо: угодить идеологическим запросам власть предержащих, убедить их в своей незаменимости в выявлении врагов и легитимации политически сущего можно и сегодня. Но и платить тогда придётся не по собственно философским, а политическим счетам. Что, впрочем, не исключает того, что исходя из самозаконных оснований тот или иной философ может долго «идти в ногу» с государственным и национальными интересами, как бы последние не понимались.

«Международный опыт» и почтенность традиции тоже вряд ли будут решающим аргументом. Поскольку: что значат даже две с половиной тысячи лет и вся европейская культура в сопоставлении с претензией на вечность?

Что остаётся? Во-первых, «кантовская» стратегия апологии: философия побочный, коллатеральный и всё же неотвратимый продукт самого устройства нашего разума, самой бытийной ситуации человека. Пока человек конечен, смертен и ограничен в своём

познании, т.е. пока он остаётся собственно человеком, философии ему не избежать. Изгнав её из университета, лишив всякого финансового питания, философию не искореним. Добьёмся лишь только того, что на месте философии, закалённой в научных спорах и выверенной по международным стандартам, повсеместно прорастут доморощенные «философии». «Если ты не можешь предотвратить безобразия, нужно его возглавить» – фраза, приписываемая различным государственным мужам, к мудрости которых и можно отослать возможных критиков.

Во-вторых, пользу принято оценивать по конечному продукту того или иного начинания. Каков продукт философии? Исходя из ранее сказанного: А. особый тип субъективности, В. свобода.

А.

В англоязычной философии есть такое понятие «integrity» (приближенно можно перевести как «целостность»). Оно рассматривается как базовая этическая категория и призвано обозначить личностный выбор придерживаться своих моральных убеждений и взглядов, невзирая на любые возможные обстоятельства. Integrity и есть основной «продукт» философии. Такой особой внутренней целостности требует, индуцирует её в субъекте философствование. Идеальный философ должен выйти из всех мытарств любомудрия автономным, бесшовным и монолитным, как бытие элеатов. А если продолжить и далее рассуждать в русле первичной интуиции Парменида – подлинное бытие отличает его сингулярность, единственность и цельность, – то философия является «произведением» самого бытия в человеке. Не то чтобы она была полезна для жизни, она эту последнюю созидает и воссоздаёт из разрозненных осколков и обрывков бытования, из жизни взаимы. Говоря менее патетически, и в тоже время менее онтологически: философия привносит в нашу жизнь узнаваемый стиль – тот самый, который отличает хорошую авторскую прозу от малоосмысленного пастиша, созданного методом *cory paste*.

Попутно тот же связующий эффект философия производит и в культуре в целом. Именно философ, как правило, первым замечает все имплицитные дилеммы и апории своей культуры: между индивидом и обществом, верой и разумом, наукой и религией, техническим прогрессом и нравственным регрессом... Для него подобные конфликты – как собственные сочащиеся раны. Только восстановив свою целостность и воссоединив несоединимое в собственной разуме и жизни он находит спокойствие. Философы, как тромбоциты в человеческом теле, первыми устремляются ко всем открытым ранам культуры.

Безусловно: философия не единственный механизм индуцирования внутренней целостности субъекта, однако, возможно, наиболее эффективный. По крайней мере – наиболее выразительный: целостность она не только воссоздаёт, о ней же она и повествует, её же взыскует у окружающих и окружающего.

Позволим нечаянно призванному в наши рассуждения «духу» Ширинского-Шихматова (имея в виду, конечно, не конкретного исторического персонажа, но собирательный образ бюрократической рассудительности и прагматического расчёта) задать ещё один «каверзный» вопрос: а есть ли прок в таких цельных, «штучных» индивидах государству? При том, что вред от них в краткосрочной перспективе, кажется очевидным? Смотря как посудить...

В своё время Аристотель различал государства и характеризующие их политические режимы по типу гражданства. При этом в исходном видении Стагирита государство не просто востребует, но и воспроизводит, создаёт определенный тип гражданина, т.е., можем сказать: является машиной производства политической субъективности. Зарождение и развитие модерных политий и их осмысление происходило вразрез с этим видением – через опрокидывание идеи суверенитета суверена-монарха на индивидуальных или коллективных субъектов (население или нацию, соответственно). Социальный субъект в новоевропейской философии был понят как данность, константа. Политика сводилась к объединению тождественных, подобных в происхождении,

чаяниях, целях субъектов и разделению, противопоставлению антагонистичных. Сегодня, как никогда ранее, мы сталкиваемся с тотальным кризисом такого, условно, «арифметического» подхода к политике. Многообразные идентичности (национальные, классовые, гендерные и т.д.) ситуативно порождают, монетизируют, забывают, дискриминируют – и всё это поверх и невзирая на «реальных», т.е. связанных с индивидами «из плоти и крови», субъектов. Действительность субъекта разорвана, обрывочна и эфемерна, длится не многим более, чем устойчивость перспективы в клипе с агрессивным монтажом. Современный человек уже не «русский», «пролетарий», «женщина», но – монтажный стол, где мелькают обрывки жизней, рекламных образов, цитат из массовой культуры. И круговерть этого калейдоскопа идентичностей происходит вопреки и помимо желаний конкретного индивида.

«Реальная» политика сегодня не заканчивается у границ субъективности, напротив: как раз эти границы проводит и перетолковывает. Некогда Энгельс мечтал «отнести» государство в музей древностей к прялкам и бронзовым топорам. Время для такой «музеефикации» государств, как видим, пока не пришло. Но вот их понимание как волеизъявления населения / нации и управления ими уже устарело. Управлять гражданами и от лица граждан не многим более осмысленно, чем делать то же в отношении персонажей сетевой компьютерной игры. Задачу производства политических субъектов сегодня выхватили из немощных рук государства транснациональная макроэкономика и противостоящие ей различные микрополитики. Среди последних находим и философию. Можем дать ей, таким образом, ещё одно ситуационное определение: она – одна из современных микрополитик субъективности, противостоящих напору размывающих и вымывающих из человека эту самую субъективность макроэкономических трендов.

Почему «микро-»? На первый взгляд ответ кажется очевидным. Философия разворачивается на уровне отдельной личности, её разума и «души». Производитель / отправитель философствования – всегда конкретный индивид. Философия одна из наименее институционализированных наук современности, по крайней мере в том смысле, что творчество в её области почти никогда не принадлежит коллективному субъекту или анонимному распределенному эпистемическому усилию. Говорить о философии целого университета, института, научного коллектива можно разве что метонимическим или метафорическим порядком. Философия неотделима от авторства. Даже во времена анонимной литературы, в средневековье, к примеру, философские идеи и течения всегда поименованы. Былины и сказания, сказки и бардовские песни – рождались, переиначивались и забывались вне и помимо института авторства, в то самое время, когда спорили и соглашались с Аквином, Ибн Синоу, Уильямом Оккамом, когда ссылались на Аристотеля. Возможное объяснение находим в «Что такое автор?» М. Фуко, где французский философ говорит о том, что автору-правообладателю, предшествовал автор-ответчик, тексту-собственности – текст-акт, в том числе и в первую очередь, акт преступления границ «священного и профанного, законного и незаконного, благоговейного и богохульного». Именно в философии, как зоне наибольшего риска и наиболее частого нарушения таких границ, подпись и завизированность текста, дискурса как такового были потребованы наиболее рано.

Микро-, значит, можем прочесть так: возмутитель общественного спокойствия – философ за сказанное «отвечает собственной головой», стремясь потому, первым долгом, в голове этой навести порядок. Однако не всё не так просто. «Голова на плечах одна», но вот субъект её «населяющий» далеко не всегда единичен – простая истина многократно засвидетельствованная и монетизированная сегодняшним днём. Некогда столь очевидный и вещественный человек-микрокосм – зеркало макрокосма, сегодня разобщён, разорван и зыбок, как и сам (макро-)космос современности, избавленный от божественного присмотра и плана.

Технологии современности, как и извлекаемая из них выгода, развиваются вопреки единичности субъекта. Чтобы не впасть в наиболее затасканный, и уже потому – пошлый,

философский жанр – «раньше было лучше»: порицания пороков современников и живописания катастроф, ждущих при упорствовании в сегодняшнем, – приведу лишь несколько примеров.

Во-первых, информация. Её избыток, как и эпохальная для современности роль – общее место: кто только не говорил об «информационной эпохе», кто только не сетовал на растущую неодолимость её объёма. Однако менее очевидно, что в таком «эпохальном» и порицательном словоупотреблении, антоним для информации – не «шум», не непроинформированность, а знание. Информация, в отличие от знания, ничейна, непоименована и непонята. Знание – почти психологический термин, из него невозможно вымарать ментальную изнанку. Всегда актуальны вопросы о «как» и «кто» знания: как приходят к знанию, кто является его преимущественным носителем? Информацию, как известно, даже не обязательно связывать с когнитивными способностями человека. Она вольно разлита в мире и человеческое осознание ничего не меняет в её сути. Информацию не понимают, а берут в оборот. Она извне человеческого субъекта. Характерна также и поименованность знания: законы, принципы, новые области почти всегда названы именем впервые их осознавших, информация же – анонимна.

Во-вторых, ключевая технология современности – Big data. Основная цель тщательного сбора, хранения, аннотирования мельчайших движений человечества в «Сети» – выявить корреляции поведенческих паттернов, извлечь из них выгоду. При этом конкретный индивид, во всех уникальных извилах его души, никому практически не интересен, искомы лишь валовые закономерности. Последние выявляют без оглядки на индивидуальные «потому, что»: неважно, понимает ли человек, что, сделав А, он захочет / не захочет сделать В, важно, что такие корреляции наблюдается en masse. Более того: чем менее осознаны, поняты взаимосвязи на уровне индивидуальной психики, тем более просто их монетизировать. Парадоксальная картина: цифровой человек абсолютно гол для любопытного ока, но этот душевный нудизм некому оценить. «Смотрящие» алгоритмы взирают сквозь наготу индивидов в массовое, невидимое и непонятное, незначимое для единичных субъектов.

В-третьих, современная культура строится на агрессивном монтаже – в прямом и переносном значении. Блокбастеры, клипы, рекламные ролики, социальные сети ... – все они сегодня построены на быстрой смене, чехарде перспектив, точек зрения. Почти вся поступающая извне информация, уже будучи центрирована вокруг реальных или эфемерных героев, рассказчиков, наблюдателей, препарирована, расторгнута и заново склеена чужой рукой. Современность требует от нас за день проживать тысячи чужих жизней «не приходя в себя».

Отнесём все подобные тренды современности к её макроэкономическому измерению. Тогда в нашей приставке «микро-» сможем увидеть не только и не столько масштаб операционализации (отдельный индивид), но – обозначение границы противостояния, название «этой» стороны баррикады. Микрополитика, таким образом, значит – первый аванпост противостояния макроэкономике. А «тыла» уже почти и нет: государства самоустранились (да и нет у них к тому средств) от задачи воссоздания, склейки субъекта, разобщенного, фрагментированного современным капиталом.

Таким образом, возвращаясь к «каверзному» вопросу воображаемого собеседника, замечу: на глобальном рынке сменных идентичностей потрясать дубиной «монополии на легитимное насилие» действительно «без проку». А вот философствовать – вряд ли.

Γνωθί σεαυτόν, «познай себя» – когда-то эти простые слова обольстили Сократа на долгий и тяжкий путь эпистемических свершений, прервать которые смогла лишь помянутая чаша с цикутой, с её мнимым позором и подлинной славой. «Себя» сегодня куда более зыбко, преходяще и легкодоступно: призыв «вернуться к себе» вряд ли вдохновит кого-то на подвиги под стать сократовским, разве что – на очередную покупку. Побывать «собой» нам предложит и реклама прохладительного напитка, и съеденный шоколадный батончик, и каждый второй бренд одежды, для наиболее же упорных –

всегда открыты двери кабинета психоаналитика. Платон в те времена сравнивал философов с «делосскими водолазами». Сегодня можем перетолковать его мысль так: лишь только «делосское» усердие в самопогружении и создаёт впервые глубину «самости», которая простирается ровно настолько, насколько мы дерзаем в неё погрузиться. Только упорство в тех самых эпистемических свершениях и позволяет предать пространственной плоскости человека её темпоральную «глубину».

Среди многочисленных продавцов цветных стёклышек идентичностей, лишь немногие предлагают сам навык склейки их в витраж целостной субъективности. Одно из имён такого навыка – философия. Быть может, вечно бунтующий и неуёмный в своём вопрошании философ – непокладистый гражданин. И всё же – лучший, чем полностью отсутствующие здесь и сейчас «юзер» и «потребитель».

В.

Проблема свободы сложна, многолика и многословно оговорена. Коснусь лишь двух аспектов, необходимых для нашего разговора. Во-первых, на повседневном и интуитивном уровне: свобода предполагает выбор среди возможного (соответственно, чем больше спектр возможностей, тем больше степеней свободы) во имя должного или желаемого. Т.е. она взаимоувязана с модальностью – речи, мышления и самого существования. Во-вторых, понятие свободы неизбежно противоречиво для любого каузального миропонимания.

Философ алчущий быть собой, быть при своей мысли, не оглядываясь на обстоятельства и вопреки ассерторической данности – мастер модальностей. Платон в оправдание неприспособленности философа к жизни, сказал, что последний живёт на два мира и не всегда слышит сиюминутное, так как послушен вечному. Именно рёв правды не даёт философам различать все полутона обманчивой реальности. Сегодня мы вынуждены быть скромнее, или, если угодно, дерзновенней: не в двух – кажимом и истинном – мирах живёт философ, но в бесконечном множестве: в наличном и во всех возможных. «Семантика возможных миров» – как поименованный аналитический приём возникла совсем недавно, но как сама практика интерпретации, она ровесница самой философии. Уже Парменид решился противопоставить всему видимому свой мир истины, к тому же, перебрав несколько возможных объяснений для самого видимого, отметил одно – как наименее удалённое от постулированной им правды. Нам возразят, что любой научный эксперимент (реальный или мысленный) основан на варьировании параметров возможного для выявления необходимого. Но, во-первых, только философ отваживается применить этот метод ко всей совокупности сущего. «Почему есть нечто, а не ничто?» – вопрос, лишивший сна не одного «любителя мудрости», свидетельствует о безоглядности в модализации всего и вся, характерной для философствующих. Во-вторых, модальный «репертуар» философа богаче доступного естествоиспытателям. Последним заказано спрашивать о должном и желательном, они привязаны к данному миру пуповиной фактического. Философ же витает воображаемых мирах с вольностью литератора. Вот только, в отличии от последнего, такие вылазки в возможное требуют от философа и перекройки самого себя, и поиска путей перестройки всего сущего, в соответствии с увиденным за горизонтами наличного. Философ, в противоположность литератору, всегда «искренний нарратор»: рассказывая о возможном, он живописует собственные эпистемические путешествия.

Любые наличные обстоятельства даны философскому взгляду в отсвете возможного и зареве искомого. Философия извлекает человека из фактического, из растворённости в мире, дарит ему свободу желать и искать. Описанная выше необустроенность философствующего есть только изнанка его свободы, лишь оборотная сторона ответственности за эту свободу.

Сегодня мы поставлены перед делимой: как соединить неизбежное чувство собственной свободы с абсолютной детерминированностью нейронов? Эта проблема, сформулированная другими словами, стояла и перед «вчера» человеческой истории: где

место для вольности выбора в механистическом мире? как может быть свободен человек заданный обстоятельствами своей жизни? Может показаться, что наступление на понятие свободы, характерное для современной науки, есть расплата за её «материализм». Но такое суждение ошибочно. В отрицании свободы воли сходились во всём другом противоположные Бюхнер и Гегель, Спиноза и Гольбах. Последовательный и радикальный материалист и идеалист, не согласные ни в чём другом, сходятся в отрицании произвольности человеческих поступков. Чем бы не видели предзаданным индивида – порядком культуры, структурами языка, необходимой логикой развития мирового духа, нерушимыми ли законами материи или органического мира, – в любом монистическом мировоззрении его свободе нет места. Однако, наших условных материалиста и идеалиста, и даже принципиального скептика, практикующего неизменное *ἔποχῆ*, если они подлинные философы, объединяет и ещё кое-что. Вспомню ещё раз собственное описание философии, как коммуникативного акта: теснимый окружающими за безрассудство своего вопрошания, философ вынужден отступить, думать «вспять» – искать основания и резонансы для собственных принципов и суждений. В какой-то момент это отступление оборачивается невозможным шагом: философ «заступает» за самого себя, проваливается в невероятную перспективу, откуда видятся не только мир, но и сам философствующий в мире. Именно это странное «зазеркалье», где субъект и коррелятивный ему объект равноисходно даны в единстве перспективы, и есть исходная точка, «колыбель» философствования. Далее дороги философов расходятся: кто-то идёт к объективному, вписывая и вплетая нити познания и поступков в физическую реальность, кто-то и дальше погружается в субъективное, растворяя мир в нозетическом, но на старте они едины в субъект-объектном нерасчленимом видении сущего. Важный момент: в головокружительном заступании за самого себя философ видит не своё единичное, ситуативное «я», в его обусловленности характером и обстоятельствами, но «я» абсолютное, надприродное. Ещё раз прибегну к помочам английского языка: в философии впервые даётся взгляд не на «me», но на «I». В современной массовой культуре, озабоченной возможной симулятивностью реальности, не раз эксплуатировался сюжет «пробуждения» героя в некую подлинную, исходную реальность. Вот он просыпается и видит самого себя опутанным сетями симуляции, спящим в коконе иллюзии. Так вот, философ, практикующий собственную цельность, настойчивость в своём пребывании при своей мысли, в этом смысле уже «пробуждённый». Ему уже знакомо это чувство взгляда на себя со стороны и мгновенного понимания своей оплетённости обстоятельствами. Исходную интуицию далее можно выразить и в пессимистическом рассказе о полной подневольности человечества, и в оптимистическом принятии познанной необходимости. Но на уровне этого первичного видения субъекта и объекта в одночасье, себя и мира в их взаимосвязанности, философ – свободен.

В завершение замечу: описанная польза философии конститутивна для неё самой, т.е. доступна всегда и везде. Есть, помимо того, польза конъюнктурная. Там, где какой-то участок культуры и знания (это могут быть и искусство, и политика, и конкретная научная проблематика, или критерии научности как таковые) находится в ситуации «доброкачественного» кризиса – где очевидны шаткость и проблематичность данного, и идёт активный поиск грядущего, – философ востребован и к его слову прислушиваются. Знакомые, милые нам лица философского канона принадлежат счастливым, которые не только были настойчивы в практике воссоздания своей цельности, но, помимо того, «пришлись ко двору» культурной ситуации их современности, или, реже, последующих веков. В этом отношении экзистенциальный проект философствования похож на бросок игральных костей на удачу. Кому-то суждено быть услышанным через столетия, кому-то – лишь в узком кругу. Но, в отличие от азартных игр, философское искушение фортуны самоценно. Так или иначе, но обрётённая и воссозданная из обломков современности внутренняя целостность всегда остаются при нас.